

В ТЕ ДНИ, КОГДА МЫ ЖИЛИ НА ЗЕМЛЕ...

МАРИЯ НОРНЕВА
Нижегородская область,
р. п. Сухобезводное

Вода, холодная, как в антарктических льдах, первая, первая в мае. На озере, которое спрята-лось аккуратно за орешником, круглое, как блюдце. Вокруг – камыши, коричневые, как в шоколаде, – Юрка в детстве откусил кусочек и потом весь день плевался, а Денис смеялся: «Чай, не эскимо, Юрка. Я тебе в киоске у вокзала завтра настоящее куплю...» – и обнимал за плечи, слушая мальчише-чьи возмущения...

А Юрка бежал купаться и знал, что до озера добежать можно, пока соседка гремит ведрами от их дома и до конца улицы. Мальчишка бежал и, подставляя веснушчатое лицо яркому солнцу, падал на песчаный бережок. Раскидывал руки в стороны и со всего духу кричал: «Денис!..»

Когда мальчишки с деревни громко стучали по забору и звали семилетнего Дениску играть в вой-ну, он отнекивался – сидел над книжкой, а Юрка – ря-дом. Он так и научился в три годика читать. Слушал сначала сказки, потом – хрестоматии за начальную школу. Так же и в столбик считать научился, и гло-бус уже крутил не как игрушку, а как модель Зем-ли. Тыкал пальцем куда попало, останавливал шар и, заглядывая Денису в глаза, говорил:

- А поехали в Америку?
- Поедем, поедем, Юрка. Только она так далеко...
- Ну, тогда поехали днем на великах в соседнюю деревню? Она близко... – Юра подпирал подбо-

родок рукой и хитро шурился, потому что его план всегда срабатывал. Мама не разрешала ему так далеко уезжать, но ведь с Денисом – можно?

- Поехали, только маме – ни слова.

И они мчались по проселочным дорогам – ве-тер бил в лицо, ерошил волосы, щекотал кожу. Хотелось расправить руки и лететь, как птица, – в небо, в высоту. Вверх.

Юрка любил не только озеро с камышами, сарай с огромным складом всего самого интересного. Он любил огромную яблоню в углу сада. Ее ствол был сухим и крепким, листья – гладкими и круп-ными. Яблочко она приносила немного, но своей те-нью спасала в палящий зной.

Денис, только окончивший первый курс уни-верситета, приехал на дачу – помогать маме. Ему всегда здесь нравилось, он любил эти места – даже дышалось легче.

- Денис, а давай знаешь что... А давай зароем капсулу времени? – Парнишка сидел на кор-точках и шурился, глядя на солнце.
- Давай. А где? – Вытирая пот со лба, Денис ре-шил отдохнуть и сел рядом.
- Под яблоней, где же еще! У меня такой ящик есть, туда все поместится. Все о нас. О лете, о деревне. Я камыш положу, книжку с гербари-

ем... поплавок от удочки. А еще напишем записки. И откроем, когда пройдет десять лет.

- Давай. Только я не знаю, что класть.
- А ты положи «Евгения Онегина» со своими пометками, ракушки, тарелку с белкой. Ты же уже этим не воспользуешься, а когда через десять лет найдешь – будет приятно.
- Уговорил. Тащи лопату.

Ребята осторожно сложили милые сердцу вещи в деревянный ящичек и стали писать записки.

Денис написал ровным, круглым почерком «До встречи через 10 лет. 10 теплых лет, холодных зим, ярких весен и золотых осеней. И Юрка, до встречи».

А внизу оставил постскрипtum: «Обещай быть таким же, Юрка, – веселым, добрым, настоящим. Не потеряй себя. Будь все еще моим лучшим другом, Юрка Солнцев».

А Юрка долго думал. Он хотел написать что-то такое, чтобы прочесть через десять лет и ахнуть. Он сидел, задумчиво чесал лохматый затылок и сопел.

- Юр, тут ведь не обязательно писать поэму. Просто напиши то, от чего улыбнешься через десять лет и вспомнишь детство. Несколько строчек.

– Эх, легко сказать... Ладно, не подсматривай!

И накарябал размашистыми буквами: «Сегодня, 20 июня 1941 года, мы вдвоем, Юрка Солнцев и Денис Оленин, закапываем капсулу времени. И обещаем откопать ее через 10 лет – в то же время и на том же месте. До встречи, Денис, до встречи, будущий я. До 20 июня 1951 года».

Бумажки были скручены в трубочки, связаны шпагатом из-под помидоров и положены на самый верх.

- Можно ведь еще нашу фотографию положить! Где мы на веранде, я сейчас принесу!

Юрка убежал домой к маме, выпрашивать снимок, который был сделан прошлым летом. Денис потрогал пальцами все вещи, которые были в ящичке. У него на душе было странное чувство – как будто они делают что-то великое, что-то значимое. Но странная грусть терзала его сердце. Они взрослеют, и детство бесследно уходит. Уходит...

Прибежал Юрка. Денис положил фотографию в книжку и, погрузив ящик в землю, начал закапывать. Юрка скакал рядом, как козленок, и уже строил планы на следующее десятилетие.

Вечером пили чай, болтали обо все на свете – мамы ребят всегда собирались друг у друга в гости с сыновьями. Пели песни, смеялись. Жили.

Вот так прошел их последний день на даче. До войны.

Все закрутилось слишком быстро. Объявление по радио, слезы мамы Дениса и мамы Юрки, Юркина растерянность и решимость Дениса. Он собрался на вокзал сразу, взяв все вещи. Долго прощался с мамой. Долго – с Юркой. Тот ни в какую не хотел его отпускать. Говорил, что поедет сам.

- Юр, ты маленький еще. Я лучше вас всех буду защищать. И письма вам писать буду. И ты пиши. Ты же знаешь, как я не люблю прощаться.
- Знаю...

Провожали его на автобус они все вместе. Вокруг женщины провожали мужчин – мужей, отцов, братьев. Суматоха, всхлипы, толпа. У Дениса у самого на душе кошки скребли. Мать сунула ему в карман иконку Николая Чудотворца, и он почувствовал ее груз в нагрудном кармане. Благодарный.

Автобус тронулся, и парень из-за стекла смотрел на родные места, которые ему придется покинуть. На киоск, на автовокзал, танцплощадку, которая виднелась из-за колючих кустов душистого шиповника.

Он ехал все это защищать. Защищать озеро у орешника, лес, яблоню. Маму, тетю Таню и Юрку.

Мама отправила Юрку в Москву, через пару дней привезла и поседевшую от горя маму Дениса, тетю Олю. Она каждый день плакала, и Юрка ровным счетом не знал, что делать.

От школы их собирали рисовать агитационные плакаты, и он каждый день убегал туда, чтобы не видеть слез, потому что и его мама, стойкая и характерная женщина, тоже иногда плакала – она знала, что с войны можно и не вернуться. Так не вернулся и ее муж, Юркин папа.

А потом все стало еще хуже. Денис написал, что его отправляют в Белоруссию, которая оккупирована немецкими войсками. Еще писал, что его направили в артиллерийский полк.

Юрка с мамой начали вместе работать на швейной фабрике, где Татьяна и до того работала. Они кроили форму, Юра быстро учился. Он надеялся, что однажды гимнастерка, которую он скроит, попадет и Денису. Ради надежды он вышел под воротником цифру «12» – номер его дачного дома. Вдруг повезет.

Шли месяцы. Начался 1942 год. Денис уже воевал в другом месте, письма, маленькие треугольнички, приходили редко. Юрка ходил с утра в шко-

лу, а днем – в цех. Он уже и шил сам, и упаковывал. Мама устроилась еще и в госпиталь, там нужны были рабочие руки.

А мама Дениса... она высохла. Стала легкая и худенькая, как мотылек. Она постоянно плакала, хотя и ходила на работу – тоже в госпиталь.

Юра очень переживал. Обстановка была страшная, люди умирали, голодали. Денис писем не писал.

Это случилось весной 1943 года. Последнее письмо от Дениса было зимой, и Юрка места себе не находил от волнения. Он приехал на дачу, чтобы протопить печь и спасти дом от сырости. Бросил грустный, повзрослевший взгляд на яблоню – цветущую и чистую. Не знавшую войны.

Юрке исполнилось уже семнадцать лет, он кончал в этом году школу. Теперь тоже работал в госпитале, на швейной фабрике и делал патроны на оружейном. Он писал письма Денису постоянно, но ответа не получал.

Он пробыл в дачном поселке два дня и на третий собирался домой. Набрал в телефонной будке их домашний номер. Ответила мама.

– Юрочка, тут такое случилось. Денис погиб.

Приезжал его начальник, привез вещи... Юра...

У него упало сердце. Он услышал гудки и повесил трубку. Слезы, как весенние ручьи, побежали по его щекам.

Первая мысль – ошибка. Вторая – раз приезжал начальник, то нет никакой ошибки.

Всю дорогу он смотрел в окно и плакал. От несправедливости и горя, от потери своего самого близкого человека.

Дома было непривычно тихо. Мама сидела на постели рядом с тетей Олей. Та лежала, молчала, со сжатыми губами и провалившимися глазами.

– Юр, он как герой погиб. Командира от пули закрыл. Он и приезжал. Отдал вещи. Вот, смотри. – Женщина кивнула на стол. Татьяна сама только перестала плакать и только гладила маму Дениса по руке.

Юра сел на стул – ноги его не держали. Он взял вещмешок, достал оттуда рубаху – такую же, каких он тысячи сшил на заводе. Она пахла хозяйственным мылом – постирали.

Решил заглянуть под воротник. Отогнул и зажал рот рукой. Та самая цифра «12», вышитая черными нитками. Не могло быть совпадений, это вышито Юркиной рукой. В кармане – иконка, та самая. А еще – письмо от начальства. С благодарностью.

Прошел год. Умерла тетя Оля. Война закончилась, жизнь стала налаживаться. Юра помогал маме, начал учиться по вечерам, чтобы поступить в университет и нагнать упущенное. Познакомился с девушкой Катей, приводил ее к маме знакомиться.

С того самого дня, с весны сорок третьего, он перестал улыбаться, мечтать. Все стало одинаковым. Иногда он порывался раскопать ящик, чтобы хоть на час вернуться назад. Но одергивал себя и продолжал жить.

Так наступил 1951 год.

Яблоня на даче совсем высохла. Мама решила ее выкорчевать и на ее место посадить новую. Рассказала об этом Юрке, и он вспомнил о ящике. Сорвался с места и выбежал на улицу.

Взял лопату и начал копать. Наткнулся лопатой на ящик и вырыл его. Сейчас он казался легким, не таким, как десять лет назад. Юра с замиранием сердца открыл крышку и увидел записки. Отложил их и бережно перебрал все вещи. Рассмотрел фотографию и прочел свое письмо. Да, он был на том же месте и в то же время. А Дениса – не было.

Дрожащими руками он взял письмо друга. Впитал каждую строчку. И понял. Что часть себя он потерял. Потерял в том времени, когда все было по-другому. Когда он был таким, каким его просил остаться Денис.

Он внезапно понял, что та часть его, которая потерялась навсегда и осталась в деревне, в Денисе, в тете Оле, в этой коробке, – это его детство. Юра сложил все обратно и закрыл глаза, слушая летний ветер. Он должен быть таким, каким обещал. И он будет. Живым.

